

Голоса, затерянные в нескончаемой войне

Перспективы вынужденно перемещенных лиц
из Абхазии на мир и будущее

SOCIAL
JUSTICE
CENTER

**Голоса, затерянные в нескончаемой войне:
Перспективы вынужденно перемещенных лиц
из Абхазии на мир и будущее**

Центр социальной справедливости

Тбилиси, 2023

Руководитель: Тамта Микеладзе

Авторы: Натия Кекенадзе

Редактор: Медея Имерлишвили

Английский перевод: Анна Берия

Русский перевод: Роланд Раики

Фото на обложке: Лука Пертайя, Netgazeti

Дизайн обложки: Саломе Лацабидзе

Перепечатка, воспроизведение или распространение в коммерческих целях без письменного разрешения организации запрещены.

Правило цитирования: *Центр социальной справедливости, Натия Кекенадзе «Голоса, затерянные в нескончаемой войне: Перспективы вынужденно перемещенных лиц из Абхазии на мир и будущее», 2023.*

© Центр социальной справедливости

Адрес: И. Абашидзе 12б, Тбилиси, Грузия

Тел: +995 032 2 23 37 06

<https://socialjustice.org.ge/>

info@socialjustice.org.ge

<https://www.facebook.com/socialjustice.org.ge>

Оглавление

Вступление	4
Методология и дизайн исследования	4
Коллективные поселения и целевые города.....	6
Трансформация конфликта: теория и ее компоненты.....	7
Структурное насилие	7
Радикальные нарративы и доминантный политический дискурс	8
Коллективная память и травма	10
Инклюзивная мирная политика	11
Мирная политика: инструменты.....	12
Если у нас нет войны? Есть у нас мир или нет?!	13
Как началась война в Абхазии?	14
Вынужденные переселенцы о «двух лицах» абхазов	15
Поиск виновного.....	17
В поисках решений: взгляды внутренне перемещенных лиц на актуальные вопросы трансформации конфликтов и миростроительства	19
Возвращение в Абхазию и недопустимость войны	20
Мир.....	21
Участие внутренне перемещенных лиц в мирной политике и перспективы на будущее.....	23
Радикальный оптимизм vs радикальный пессимизм.....	23
Прямой диалог	25
Заключение	27

Вступление

В результате политического кризиса, начавшегося в Грузии в 20 веке, страна пережила несколько войн и внутренних военных и политических конфликтов. Тридцатилетняя история после обретения независимости характеризуется противоречивым политическим и социальным опытом, который имеет выраженное проявление как на системном, так и на микро-социальном и индивидуальном уровнях.

Война в Абхазии, в которой, по неподтвержденным данным, погибло более 13 тысяч человек, более 18 тысяч получили ранения и искалечены, до 2 тысяч человек считаются пропавшими без вести, а 300 тысяч человек получили статус вынужденных переселенцев - по сей день остается одним из неисследованных эпизодов истории страны.

С течением времени невозможность быстрого разрешения конфликта и постоянно меняющийся политический и геополитический контекст вновь ставят необходимость пересмотра мирных инициатив и поиска новых возможностей. Важно, чтобы эти инициативы создавались с участием пострадавших от конфликта сообществ, в том числе вынужденно перемещенных лиц. Теории миростроительства в этом контексте в первую очередь рассматривают вовлечение вынужденных переселенцев и создание пространств для обсуждения вопросов *истины, прощения, справедливости и мира*.

Участие вынужденных переселенцев как в грузинских, так и в грузино-абхазских дискуссиях не пользуется достаточной поддержкой. Более того, ожидания от них заранее ограничены. Вынужденно перемещенные лица, как травмированное общество, часто рассматриваются только с точки зрения социально-экономических и эмоциональных аспектов, а их мирный потенциал остается неисследованным. Хотя различные общественные опросы показывают, что значительная часть вынужденных переселенцев демонстрирует открытую готовность к диалогу и мирному разрешению конфликта, голос этого сообщества практически не представлен в мирной политике. С другой стороны, радикализованное и эксклюзивистское дискурсивное поле еще больше усложняет репрезентацию этих перспектив.

Целью настоящего исследования является изучение взглядов и перспектив вынужденно перемещенного населения из Абхазии в отношении мира и разрешения конфликтов.

Задачи исследования – проанализировать представления вынужденных переселенцев из Абхазии по вопросам, связанным с прошлым, конфликтом и миром. Общая цель исследования состоит в том, чтобы создать критические и основанные на фактических данных знания, связанные с конфликтами и проблемами мира, и представить альтернативные взгляды на структурные причины конфликтов и пути достижения мира.

Методология и дизайн исследования

Данному исследованию было интересно изучить взгляды вынужденно перемещенных лиц, проживающих в коллективных поселениях, в отношении грузино-абхазского конфликта.

Представленное исследование использует качественные методы исследования для достижения поставленных целей и задач. Прежде всего, в рамках кабинетного исследования был проведен системный анализ существующей литературы и релевантного тематического материала, который включает в себя научную литературу по направлению трансформации конфликтов и миростроительства, а также историческую ретроспективу военных противостояний и войн,

начавшихся в Грузии в 90-е годы. Во избежание предвзятости, для изучения исторических, политических и социальных измерений конфликта были рассмотрены исторические источники, научные статьи, политические документы, исследования и статистические данные, подготовленные государственными, местными или международными организациями.

Перед сбором эмпирических данных проводились экспертные интервью после систематического анализа литературы¹ (SLR). Всего 5 интервью: (три исследователя политики мира, один историк, один исследователь социальной политики). План дискуссии основывался на экспертных интервью и кабинетных исследованиях, а для сбора эмпирических данных использовались методы биографически-нарративного и глубинного интервью.

Объектом исследования были определены внутренне перемещенные лица, проживающие в поселках ВПЛ в Тбилиси и Цхалтубо, а также в Зугдиди. Исследование проводилось в два этапа. Первый этап включал пилотное исследование, в ходе которого в первую неделю августа 2023 года было проведено 2-2 глубинных интервью в Тбилиси и Цхалтубо. В ходе пилотного исследования был протестирован план дискуссии и немного скорректировано руководство проведения интервью. На этом этапе полученные данные не были интегрированы с окончательными выводами исследования. Второй этап исследований начался во второй половине августа 2023 г. и завершился в конце сентября 2023 г. Всего было проведено 27 глубинных интервью.

Общая целевая группа исследования была определена с учетом целей исследования и представляла собой гомогенную группу из выбранных городов. В соответствии с подходом максимальной вариации (Maximal variation, Patton, 2015) к целевому отбору. Отбор проводился в соответствии с заранее определенными характеристиками:

- Географическое положение: столица Тбилиси, Цхалтубо и город Зугдиди, расположенный недалеко от региона конфликта;
- Гендерные характеристики – из 27 респондентов 16 женщин и 11 мужчин;
- Возраст: старше 35 лет; (Интервью также были проведены с четырьмя молодыми ВПЛ <35 лет);
- Этническая принадлежность – грузины.

Место жительства респондентов в Абхазии: Гали (3), Сухуми (7), Гагра (7), село Колхида (2), Очамчира (4), село Кочара (3); Гульрипши (1). (см. приложение №1)

Участники исследования проживают в поселении вынужденно перемещенных лиц в Тбилиси и Цхалтубо. В частности, в бывших санаториях и коллективных центрах в Цхалтубо, а также в новом поселении вынужденных переселенцев в Цхалтубо и у моря в Тбилиси. Респонденты опроса живут в схожей реальности с социальной и экономической точки зрения. Результаты исследования могут отличаться в группах ВПЛ с другим социальным опытом.

Настоящее исследование не проводилось в соответствии с этнографическими методами исследования, однако оно представляло собой полевые заметки, основанные на дискуссиях внутренне перемещенных лиц в различных общественных (Центральный парк Цхалтубо, двор нового поселения ВПЛ) и частных пространствах (полевые работы совпали с днем рождения одного из респондентов).

---

¹ Petticrew, M., & Roberts, H. (2006). Systematic reviews in the social sciences: A practical guide. Blackwell Publishing. <https://doi.org/10.1002/9780470754887>

Следует отметить, что настоящее исследование не претендует на обобщение результатов, опросы не являются репрезентативными и результаты отражают лишь взгляды и оценки респондентов, принявших участие в опросе.

Эмпирическая информация, полученная в рамках исследования, фиксировалась как на аудиоматериале, так и в полевых записях. Транскрипты и полевые записи были закодированы в тематические категории, такие как: «Взгляды на начальный период конфликта»; «Перспективы разрешения конфликта»; «Информация о мирной политике»; «Общественно-политические отношения с абхазами»; «Справедливость и мир» и др. По тематическим категориям состоялось обсуждение результатов исследования.

Поскольку целевой группой исследования является травмированное сообщество, вместе с формой информированного согласия перед глубинным интервью респонденты были проинформированы о том, что могут не отвечать на нежелательный вопрос или в любое время прекратить участие в исследовании.

Коллективные поселения и целевые города

В результате вооруженного конфликта в Абхазии, начавшегося более 30 лет назад, погибло 13 тысяч человек, а 300 тысяч стали вынужденными переселенцами. Во время войны внутренне перемещенные лица хаотично расселялись по территории Грузии. Их места проживания представляли собой коллективные центры: государственные школы, детские сады, заводы, гостиницы, санатории и другие общественные здания. В результате переселения ВПЛ 111 939 человек были поселены в Тбилиси; 27 839 - в Имерети (более 10 тысяч - в Цхалтубо) и 90 102 - поселились в Самегрело Земо Сванети (Агентство по делам ВПЛ, 2022).

Сегодня в Тбилиси, а также в Цхалтубо и Зугдиди идет процесс расселения вынужденных переселенцев в новые квартиры/дома. Те, кто еще ждет квартиру, или чьи жилищные условия неудовлетворительны, по-прежнему живут в санаториях (Цхалтубо).

Именно в этих коллективных поселениях на протяжении лет конструировались нарративы внутренне перемещенных лиц. Эти поселения выполняют функцию как жилых, так и общественных помещений. Во внутренних дворах поселков вынужденных переселенцев, в длинных коридорах санаториев, на биржах за последние 30 лет сходятся множество точек зрения и историй о причинах конфликтов и путях их мирного разрешения.

Это не отразилось в выводах, основанных на целях исследования – хотя записанные интервью содержат комплексную и интересную информацию о политике переселения в Грузии и ее вызовах. Также исследование может стать инспирацией для изучения таких вопросов, как

- (i) влияние доминантного политического дискурса на восприятие и мнения внутренне перемещенных лиц за последние 30 лет;
- (ii) временные и пространственные измерения перспектив ВПЛ в миростроительстве;
- (iii) проблемы, возможности и практика участия вынужденных переселенцев в политике миростроительства.

Трансформация конфликта: теория и ее компоненты

В научной литературе миростроительство (peace building) – это т.н. "зонтичный" термин, объединяющий множество других теорий и практических методов в этой области. Международные академические дебаты по вопросам мира и устойчивого миростроительства в основном касаются практического применения теоретических основ. Согласно этой парадигме, чтобы воплотить теории в эффективные практические меры, важно учитывать коренные причины конфликта. С этой точки зрения миростроительство является полностью общественным процессом, оно не предлагает определенных правил достижения мира или разрешения конфликтов. Более того, оно не рассматривает миростроительство как статический процесс, и здесь временная составляющая рассматривается как возможность изменить и трансформировать конфликт². В процессе поиска теорий или практических средств новые подходы к управлению и разрешению конфликтов объединяются в известной Теории трансформации конфликтов.

Для последователей критической теории отправной точкой процесса построения мира должен быть актор/агент (agent) трансформации конфликта. Например, в ряде случаев подчеркивается доминантная роль политических элит и международных акторов, что ставит под сомнение вовлеченность сторон конфликта в процесс трансформации конфликта и в целом ставит под сомнение демократический характер миростроительства.³

Трансформация конфликтов связана не только с окончательным разрешением конфликтов (резолуцией конфликта), она также включает в себя концепции демократии и развития.⁴ В этом смысле это рассматривается как путь к социальным изменениям, которые также борются со структурным насилием.

Структурное насилие

Борьба с социальным неравенством в процессе трансформации конфликтов является одной из противоречивых компонентов этой теории, разработанной Галтунгом в 1976 году. По мнению некоторых ученых, экономическое и социальное развитие оказывает влияние на трансформацию конфликта. По мнению другой стороны - нет.⁵ В докладах ООН за 1992 и 1995 годы "Повестка дня для мира" (An Agenda for Peace) и "Дополнение к Повестке дня для мира" (Supplement to an Agenda for Peace) социальное и экономическое развитие называется «социальным миром», который так же важен, как стратегический или политический мир (social peace is as important as strategic or political peace).⁶

---

² Bigdon, Ch., Korf, B. (2004). The Role of Development Aid in Conflict Transformation: Facilitating Empowerment Processes and Community Building. In: Austin, A., Fischer, M. and Ropers, N. eds. Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Handbook. Berlin, Germany: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 349-369.

³ Christoph Zurcher, Carrie Manning, Kristie Evenson, Rachel Hayman, Sarah Riese, and Nora Roehner, *Costly Democracy: Peacebuilding and Democratization after War* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2013); Andrea Ruggeri, Theodora-Ismene Gizelis, and Han Dorussen, "Managing Mistrust an Analysis of Cooperation with UN Peacekeeping in Africa," *Journal of Conflict Resolution* 57, no. 3 (2013): 380–410.

⁴ P. Collier, 'Economic Causes of Civil Conflict and Their Implications for Policy', in C.A. Crocker, F.O. Hampson and P. Aall (eds), *Leashing the Dogs of War. Conflict Management in a Divided World* (Washington DC: United States Institute of Peace Press, 2007), pp. 190–210.

⁵ J. Galtung, *Peace by Peaceful Means. Peace and Conflict, Development and Civilization* (Oslo/London: International Peace Research Institute/Sage, 1996), p. 9-15;

⁶ B. Boutros-Ghali, 'An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peace Making and Peace Keeping', UN Doc. A/47/277-S/24111 (New York, 17 June 1992), paragraph 20-21.

Насильственные конфликты создают для вынужденных переселенцев в краткосрочной перспективе такие социальные и экономические последствия, как гибель людей, потеря имущества, задерживается возможность получения образования, появляются глубокие психологические травмы, увеличивается число безработных и бедности, проблемы со здоровьем, разрушенную социальную инфраструктуру в стране и ограниченные возможности развития. Однако в долгосрочной перспективе эти последствия выливаются в структурное насилие. Бедность, экономическое неравенство и связанные с этим проблемы, наследие травм, отсутствие постоянного жилья – это лишь малый список потерь, которые эти люди переживают в своей повседневной жизни.

В академических источниках структурное насилие входит в число факторов, влияющих на восприятие вынужденными переселенцами причин войны, вопросов мира, понимания справедливости, преступников и жертв. Широкое обсуждение структурного насилия рассматривается как основа трансформации конфликта, где мирные стратегии основываются на социально-экономическом положении сторон конфликта. Возможно, это не единственная возможность мирного разрешения конфликта, но, безусловно, одна из них. Как пишет Рупесинг, «выжившие в жестоком конфликте не могут питаться миром»⁷, и независимо от того, насколько безопасно они себя чувствуют, структурное насилие всегда будет угрозой, с которой им придется иметь дело (Rupesinghe, 1995).

Радикальные нарративы и доминантный политический дискурс

Ликлидер (Licklider) 1995 писал о концепции продолжительных войн (Sustained wars) и указывал, что войны порождают такие формы ненависти, которые не могут исчезнуть сразу после окончания войны (Licklider, 1995, стр. 8). Такого же мнения придерживается и известная конфликтолог Джоанна Регулска (Regulska, 2012, с.123), которая высказывает мнение, что в небольших странах, где происходят этнические конфликты, именно политическая риторика формирует представления затронутых конфликтом обществ о войне (Mannergren Selimovic, 2010). Поэтому для него критически важно изучить истоки сознания, подходов и нарративов групп, затронутых конфликтом. Особенно в контексте того, как и на какой основе создается доминантный дискурс «виновника». Тот же подход разделяет теория предвзятой коллективной памяти, согласно которой коллективной памятью сторон конфликта манипулируют различными способами, что препятствует проведению мирной политики.⁸ Согласно этой теории, различные радикальные нарративы представляют собой причины трансформации коллективной памяти. А их критический анализ зачастую становится предметом осуждения и цензуры, поскольку «эта критика означает отклонение от доминантной линии» (Sara Cobb, 2013)⁹. Также представляет интерес то, какие группы имеют право высказывать или создавать подобные нарративы.

Британская организация «Ресурсы примирения» (Conciliation Resources) пишет в одном из своих отчетов, что некоторые нарративы, сложившиеся в грузинском политическом дискурсе об

---

⁷ K. Rupesinghe, 'Conflict Transformation', in K. Rupesinghe (ed.), Conflict Transformation (London: St Martin's Press, 1995), p. 90-99.

⁸ Peter Kabachnik, Joanna Regulska & Beth Mitchneck (2012) Displacing Blame: Georgian Internally Displaced Person Perspectives of the Georgia–Abkhazia Conflict, *Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics*, 11:2, 123-140, DOI: 10.1080/17449057.2012.675210

⁹ Cobb, Sara (2013). "Speaking of Violence. The Politics and Poetics of Narrative in Conflict Resolution";

абхазах и осетинах, не отражают общественного мнения.¹⁰ Такой подход подтверждается и опросами населения 2013–2020 годов. Например, по данным опроса CRRC 2020 года, 69,7% респондентов поддерживают прямой диалог, 48,4% считают, что важно найти общие интересы и найти пути совместного разрешения конфликтов¹¹ (CRRC, 2020).

Радикальные нарративы определяют траектории конфликтов, коллективные травмы и воспоминания общества. Фактически, они представляют собой сборник историй, которые «были рассказаны один раз, а затем повторены много раз» (Harre and van Langenhove, 1991, 1999, Pearce, 2008, Tan&Moghaddam, Winslade and monk, 2000). Именно эти истории создают нарративы, которые, в свою очередь, показывают другие характеристики конфликта: физические – временные границы и моральные границы, предполагающие легитимацию одной конкретной истории и придание ей идентичности (Sara Cobb, 2013). Такие истории обычно не дают нам полной картины истории и лишь раскрывают слои ненависти между обществами, пострадавшими от конфликта. В охваченных конфликтами обществах «ненависть» и «поиск виновного» — это чувства, которые, по мнению многих исследователей, «никогда не утихают», хотя иногда они подпитываются радикальными нарративами и мешают разрешению конфликтов (Halverson, 2004, Porat, 2004).

Для критических теорий дискурсов и конструирования памяти комплексное изучение нарративов интересно в той мере, в какой каждый конфликт имеет свой нарратив. Особенно этнические конфликты, в которых политические нарративы изменяются/пересматриваются и усиливаются этническими группами, государством и международными акторами.¹² В этом контексте нарративы вынужденных переселенцев понимаются как результат времени, пространства, индивидуального опыта или затяжных конфликтов. В то же время память постоянно подвергается реорганизации, она не является продуктом единого нарратива или опыта, она гибка и трансформируется во времени и пространстве «в соответствии с актуальными требованиями власти и построения идентичности».¹³

Наряду с историями важны также временной и пространственный аспекты их распространения. Истории, которые люди рассказывают о войне, о «своих историях» и о «других/врагах», также создают определенные нарративы внутри конкретных групп и пространств, в которых живут эти люди (Coleman et al., 2007). Изучение как локальных, так и доминантных нарративов и их критический анализ рассматривается как новый способ трансформации конфликта.

Один из интересных эпизодов в анализе проблемы связан с идеей о том, что в некоторых случаях радикальные нарративы существуют уже задолго до возникновения конфликтов. Они обуславливают войну и живут долго после войны (Sara Cobb, 2013); Институциональные пространства, такие как залы судов, публичные собрания, парламентские сессии, мирные встречи или встречи прямого диалога, должны создавать возможности для трансформации радикальных нарративов в преобразующий процесс конфликта, хотя во многих случаях эти институты являются источником их легитимации (Sara Cobb, 2013);

---

¹⁰ Conciliation Resources, "Majority of Georgians see prospects for change to improve relations with Abkhaz", 2020;
საზოგადოებრივი აზრის კვლევის ცენტრი / <https://www.c-r.org/news-and-insight/majority-georgians-see-prospects-change-improve-relations-abkhaz>

¹¹ Conciliation Resources, "Majority of Georgians see prospects for change to improve relations with Abkhaz", 2020;
საზოგადოებრივი აზრის კვლევის ცენტრი / <https://www.c-r.org/news-and-insight/majority-georgians-see-prospects-change-improve-relations-abkhaz>

¹² Cobb, Sara (2013). "Speaking of Violence. The Politics and Poetics of Narrative in Conflict Resolution";

¹³ Нино Чиковани, Кетеван Какителашвили, Иракли Чхаидзе, Иванэ Церетели, Кетеван Эпадзе. (2022). Грузия: травма и триумф на пути к независимости

Коллективная память и травма

Еще одним вопросом, представляющим особый интерес в контексте трансформации конфликтов, является изучение коллективной памяти и феномена травмы. Изучение травмы важно, поскольку в результате событий и с течением времени оно способствует формированию новых идентичностей, которые, в свою очередь, влияют на ценности, ожидания и поведение раздираемых войной обществ и отдельных индивидов внутри них.¹⁴

Теории коллективной памяти и культурной травмы, обсуждаемые в международной академической литературе, во многом связывают культурную травму с такими социальными радикальными событиями, которые коренным образом меняют жизнь общества. Однако один из интересных эпизодов в изучении природы коллективной травмы связан с выражением травмы - процессом, когда люди начинают испытывать эмоции, делятся новостями¹⁵, рассказывают истории, обсуждают причины, выявляют виновных, что находит отражение в публичных дискуссиях, политике, медиа, искусстве и т. д. Феномен травмы в академическом сообществе разделяется на два основных измерения: одно — индивидуальная травма, когда она заканчивается смертью индивида, и другое — коллективная травма, передающаяся из поколения в поколение. Спустя 30 лет в обществе вынужденно перемещенных лиц сегодня уже есть группы людей, которые не испытали травму войны, хотя и унаследовали ее.¹⁶

В книге «Грузия: травма и триумф на пути к независимости», посвященной изучению феномена культурной травмы и коллективной памяти в Грузии, обсуждаются идеи Алейды Ассманн (Assmann, Jan, 2010) о событии воздействия (impact event) и нарративе воздействия (impact narrative), где объясняется, как в такое время создаются нарративы с точки зрения содержания и структуры и как они откладываются в коллективной памяти. Коллективная память «сохраняет» некоторые из этих нарративов в неизменном виде, а в некоторых случаях трансформирует их или, по крайней мере, забывает. В этом контексте Алейда Ассманн вводит понятия «активного» и «пассивного» забывания, которое связано с намеренным забыванием и стиранием некоторых событий, тогда как в случае пассивного забывания некоторые страницы истории просто игнорируются коллективной памятью, и их значение теряется на фоне доминантных нарративов.

Для вынужденных переселенцев из Абхазии опыт коллективной травмы был основан, прежде всего, на войне, человеческих и материальных потерях. Кроме того, травма, которую пережили эти люди, была связана с тяжелым опытом маргинализации в новой среде и интеграции с местным населением.¹⁷

Таким образом, изучение природы травмы считается частью трансформации конфликта. Что, в свою очередь, предполагает анализ коллективной травмы раздираемого войной общества,

---

¹⁴ Нино Чиковани, Кетеван Какителашвили, Иракли Чхаидзе, Иванэ Церетели, Кетеван Эпадзе. (2022). Грузия: травма и триумф на пути к независимости (Vols. ISBN 978-9941-9796-4-4). Тбилиси: Издательство «Самшобло». стр. 18-27

¹⁵ Там же, стр. 258-260.

¹⁶ Reimann, U.K. (2018). Closing a gap in conflict transformation: Understanding collective and transgenerational trauma.

¹⁷ Нино Чиковани, Кетеван Какителашвили, Иракли Чхаидзе, Иванэ Церетели, Кетеван Эпадзе. (2022). Грузия: травма и триумф на пути к независимости (Vols. ISBN 978-9941-9796-4-4). Тбилиси: Издательство «Самшобло». стр. 256

прошлого, похороненного в памяти, или нарративов настоящего в контексте процесса миростроительства.

Инклюзивная мирная политика

Как уже упоминалось, трансформация конфликта включает не только управление конфликтом, она связана с демократизацией и инклюзивностью мирной политики, когда стороны конфликта полностью участвуют в мирной политике, международных или местных инициативах. По мнению Буша (Bush) и Фолджера (Folger), теория трансформации конфликта оставляет больше возможностей для участия индивидов и небольших групп индивидов в процессе миростроительства. Практики «снизу вверх» (bottom up) в миростроительстве не новы, они приобрели интерес с середины 1990-х годов, хотя время от времени интегрировались в комплексные методы и терялись как отдельный подход. Однако сегодня теоретики и практики уже активно обсуждают подобные эмпирические исследования, изучающие восприятие пострадавших в конфликте сторон¹⁸ и рассматривающие эти выводы как основу для стратегий миростроительства. В этом случае социальные и человеческие измерения рассматриваются как действенные акторы мирной политики.¹⁹

В этом контексте также актуальна академическая дискуссия о том, что стратегии миростроительства и концепция безопасности должны одновременно основываться на политических, социальных, культурных или исторических особенностях.²⁰ Парадигма трансформации конфликта как подход к миростроительству включает в себя те самые социальные и культурные характеристики, которые так важны для устойчивого миростроительства. Приверженцы критической теории подчеркивают, что устойчивый мир поддерживается отдельными индивидами, а не только большими социальными группами или государством. Таким образом, подходы к участию в миростроительстве по принципу «снизу вверх» основаны на двух ключевых практиках:

- 1) Индивидуальное измерение – когда индивиды являются инициаторами социальных изменений;
- 2) Общественное измерение (interpersonal relations) – в основе которого лежат отношения между сторонами, затронутыми конфликтом, в миростроительстве, что выражается в диалоге, дружбе, родстве или углублении соседства (Hewstone and Brown, 1986). Ледерах (Lederach, 2005) подчеркивает важность изучения этих отношений при анализе социальных изменений, что стало исследовательским интересом многих антропологов.

Поскольку подходы Bottom up в основном включают формальные или неформальные встречи и инициативы общественных групп, они должны поддерживаться государством в повседневной практике. Практики отмечают, что общества, затронутые конфликтом, уже имеют опыт совместной жизни в прошлом. Однако восприятие этого опыта меняется с течением времени.

---

¹⁸ Peshkopia, R. (2020). A Bottom-Up View at Peacebuilding: Pragmatism, Public Opinion, and the Individual as Unit of Analysis in Postconflict Societies. In H. Carey (Ed.), *Peacebuilding Paradigms: The Impact of Theoretical Diversity on Implementing Sustainable Peace* (pp. 304-323). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781108652162.019 p.12-34;

¹⁹ The Critical Theory Paradigm. (2020). In H. Carey (Ed.), *Peacebuilding Paradigms: The Impact of Theoretical Diversity on Implementing Sustainable Peace* (pp. 188-238). Cambridge: Cambridge University Press.

²⁰ Bachler, G. (2004). Conflict Transformation through State Reform. In: Austin, A., Fischer, M. and Ropers, N. eds. *Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Handbook*. Berlin, Germany: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 260-282;

Поэтому развитие формальных или неформальных инициатив со стороны государства не должно носить разовый характер и должно восприниматься как процесс обучения для вынужденно перемещенного сообщества.²¹ Желательно, чтобы эти инициативы устраняли существующие конфликты и разногласия между обществами, разделенными конфликтом, путем выдвижения на первый план общих и релевантных интересов для обеих сторон.

Трансформация конфликта направлена на изменение структурных причин конфликта. Этот ориентированный на результат подход фокусируется на возможностях миростроительства в местном контексте, что предполагает длительный процесс диалога и выстраивания общих интересов между обществами, пережившими конфликты.

Эта теория рассматривает через свою призму восприятие и отношение людей, затронутых конфликтом, их мнения относительно конфликта.²² Чтобы добиться такого изменения, необходимо на практике изучить четыре вопроса. Это представления об *истине, прощении, справедливости и мире*.²³

Настоящее исследование объединено вокруг этих четырех вопросов и рассматривает связанные с ними перспективы среди внутренне перемещенных лиц из Абхазии, которые проживали в коллективных центрах вместе с другими перемещенными лицами в течение трех десятилетий. С перспективы теории трансформации конфликта, попытка понять коренные причины конфликта между этническими грузинами и абхазами создаст пространство для дискуссии общих целей в будущем.

Мирная политика: инструменты

Мирную политику Грузии условно можно разделить на два этапа. Первый этап охватывает период войны с 90-х годов по август 2008 года, а второй – с августа 2008 года по сегодняшний день. С точки зрения экспертов несмотря на то, что мирная политика была активизирована в послевоенный период, она не принесла принципиальных изменений. Причиной этого является доверие течения нынешнего процесса только усилиям международного сообщества.²⁴ Мирная политика Грузии неоднократно подвергалась критике за ее односторонность²⁵, которая рассматривается в трансформационной парадигме конфликта как препятствие, которое необходимо преодолеть посредством доверия и диалога между сторонами, затронутыми конфликтом.

Сегодняшняя мирная политика в государстве во многом связана с официальными переговорами (международные Женевские дискуссии, формат Карасина-Абашидзе) и форматами гражданского диалога за рубежом (закрытые грузино-абхазские встречи). Внутренне перемещенное население не имеет никакой информации о целях и достижениях как официальных, так и неофициальных встреч. Кроме того, в 2018 году правительство упразднило Министерство по делам беженцев, расселению и вынужденно перемещенных лиц с

---

²¹ Sandrine Lefranc. A Critique of 'Bottom-up' Peacebuilding: Do Peaceful Individuals Make Peaceful Societies?. 2011. ffhshs-00646986, p.12-18;

²² Lederach, J.P. (1997). Building peace : sustainable reconciliation in divided societies. Washington, D.C: United States Institute of Peace Press. pp. 23-25

²³ Kriesberg, L. (2011). The State of the Art in Conflict Transformation. In: Austin, B., Fischer, M., and Giessmann H.J. eds. Advancing Conflict Transformation: The Berghof Handbook II. Opladen & Farmington Hills. Barbara Budrich Publisher. pp. 50-68

²⁴ И. Абрамишвили, Р. Коиава, 25 лет мирной политике Грузии, 2018 г.;

²⁵ П. Закареишвили, Видение – Конфликты в Грузии, 2021, с. 170-179.

оккупированных территорий, а ВПЛ потеряли возможность влиять на политическую повестку дня и высказывать свои потребности и интересы перед лицами, принимающими решения.

Тем не менее у гражданского общества появились новые возможности участвовать в политике миростроительства. В 2021 году в целях анализа текущей ситуации в конфликтных регионах, выявления вызовов, обсуждения и обмена экспертными мнениями о дальнейших шагах мирной политики в аппарате государственного министра была создана консультативная группа экспертов, работающих по вопросам примирения и взаимодействия. Одной из целей группы было рассмотрение «Государственной стратегии на оккупированных территориях – вовлечение через сотрудничество и документа об оценке плана действий для стратегии вовлечения», разработанного аппаратом государственного министра. Существует также консультативная платформа, которая собирается два раза в год для расширения участия женщин в мирных процессах и гендерных вопросах.

Несмотря на изменения, существующие механизмы институционального вовлечения носят лишь формальный характер и не предлагают реальных (здесь и сейчас) практик совместного принятия политических решений. По оценке вовлеченных в процесс гражданских организаций (в том числе гражданских организаций, созданных вынужденными переселенцами) предметной работы по конкретным вызовам со стороны государственных органов не ведется, и встречи проводятся в режиме формального обсуждения.²⁶

Если у нас нет войны? Есть у нас мир или нет?!

От вынужденных переселенцев из Абхазии часто можно услышать, что война для них еще не окончена. Эта фраза, возможно, напоминает идею Иохана Галтунга о позитивном и негативном мире, согласно которой то, о чем говорят респонденты, является частью негативного мира, мира, предполагающего отсутствие войны и насилия. Если война не закончилась, то как называется ситуация, в которой сегодня живут вынужденно перемещенные лица в Грузии?

Для респондентов мир не является данностью, когда вы боретесь с повседневными социальными и экономическими проблемами, связанными с потребностью в жилье, здравоохранении и социальном обеспечении. В ходе глубинных интервью респонденты неоднократно указывали на тяжелое социальное положение вынужденных переселенцев сегодня. Большинство из них ждут новых квартир, однако для некоторых семей по-прежнему остается проблемой приобрести предметы первой необходимости, бытовую технику. Эти истории о вынужденно перемещенных лицах еще раз выявляет тесную связь между политической агентностью сообщества и социально-экономическими проблемами.

*«Я в своем новом и пустом доме чувствую себя гостем, сын уехал в Турцию, я работаю на рынке, и мы помогаем друг другу, хотим привнести новые вещи в новый дом»
(Цхалтубо №27, женщина, 63 года)*

Для вынужденно перемещенных лиц из Абхазии трудности, вызванные конфликтом на протяжении 30 лет, не утихают и по сей день. Со временем проблемы и травмы в семьях вынужденных переселенцев передаются из поколения в поколение, лишая как отдельных индивидов, так и семьи возможности стабильного развития. Некоторые из опрошенных

---

²⁶ Центр социальной справедливости, Это Копалиани, «Критический анализ аппарата государственного министра по примирению и гражданскому равенству – мандат и деятельность, 2023 г.»

респондентов были молоды, когда началась война, другие хорошо помнят предконфликтный период.

Разговор с респондентами мы начали с описания жизни в Абхазии и событий, произошедших задолго до войны. Под этим мы пытались понять изменение их взглядов в нескольких временных измерениях – *за очень долгое время до войны, в довоенный период (несколько лет назад), в недавнем прошлом (грузино-абхазские общественные и политические отношения за последние 30 лет) и видение будущего в отношении разрешения конфликтов.*

Как началась война в Абхазии?

Вопросы, связанные с началом конфликта, относились не только к предконфликтному периоду. Цель этой части руководства заключалась в том, чтобы помочь респондентам вспомнить относительно более поздние периоды, например, воспоминания из детства на детских площадках или в школьных классах. Каковы были отношения семей вынужденных переселенцев с абхазами? Сохраняет ли их память конкретные истории противостояния с абхазами? Большинство опрошенных респондентов говорят, что никогда не ощущали в своих городах и селах напряжения, ведущего к войне. Довоенный период они вспоминают как "гармоничный", "бесконфликтный", "дружественный" и насыщенный "семейными отношениями". Респонденты рассказывают множество историй, описывающих мирное сосуществование абхазов и грузин. Для вынужденных переселенцев Абхазия была "местом для всех", где разные этнические группы могли жить вместе.

«Там, где я работала, в Сухуми, у меня были абхазские, мегрельские, русские, армянские и даже греческие сотрудники. На предыдущих должностях были абхазы, и у нас не было проблем, наоборот, мы знали, что так должно быть, мы их уважали» (Респ. №2, женщина, 53 года, Тбилиси).

«Мне не хватит целого дня, чтобы рассказать вам, как мы жили и как мы уважали [абхазов]. Мне очень больно даже вспоминать эту хорошую жизнь. Как будто, так и должно быть, к нам относились с уважением, мы выросли с мыслью, что абхазов надо уважать. Поэтому мы не могли представить, что произошло. Что бы сделали эти уважаемые люди? Но и среди них были те, кого русские легко сбили с толку» (Респ. №17, мужчина, 70 лет, Зугдиди)

Ностальгические воспоминания о совместной жизни с абхазами также отражают образы незначительной напряженности между общинами. События, изображенные на них, происходят за десятилетие до войны в Абхазии. Например,

- (i) Респондент (№3, мужчина, 48 лет) из Цхалтубо рассказывает, что в школе часто происходили стычки между абхазскими и грузинскими мальчиками, что абхазы всегда помогали абхамам, грузины помогали грузинам;
- (ii) Одна из респондентов (№19, женщина, 59 лет) из Зугдиди вспоминает, что перед войной соседка-абхазка в гостях у ее семьи рассказывала об опасностях войны и упомянула об оружии, которое абхазы тайно ввозили из Турции, тот же респондент говорит, что семья вскоре забыла эту "абсурдную" историю;
- (iii) Респондентка (№12, женщина, 40 лет) из Тбилиси вспоминает, что грузин часто беспокоили привилегированные позиции абхазов в Абхазии (что отражалось на их назначении на должности), но они громко против этого не протестовали;

- (iv) Респондентка (№19, женщина 59) из Зугдиди вспоминает, что за два года до войны она стала свидетельницей драки в одном из автобусов Сухуми, где этнический абхаз столкнулся с пьяным мегрелом и сказал ему, что тот находится на своей земле;
- (v) Один из респондентов-мужчин, проживающих в новом поселке Цхалтубо (№22, мужчина, 83 года) вспоминает, что за несколько лет до войны услышал новость о том, как абхазы собирают деньги на оружие.

«[Абхазы] всегда имели пророссийскую позицию, а не прогрузинскую, после Советского Союза мы отделились от России, а они не хотели отделяться от России, хотя они были кавказцами и у нас есть общие семейные узы и традиции. Где русский, а где грузин. Но это потому, что мы по-прежнему представляли угрозу. На самом деле Россия представляет собой большую угрозу. Они думали, что потеряют свой язык и культуру. Скажем так, для них это была легитимная угроза». Цхалтубо, №3, мужчина, 48 лет.

В результате интервью выяснилось, что задолго до войны и в предвоенный период абхазы вынужденно перемещенными лицами не воспринимались как враги, хотя считают, что абхазы были постоянно недовольны (№10, мужчина, 54 года, г. Тбилиси), и войну они начали при поддержке России, - «Абхазы симпатизировали русским», «Русские их спровоцировали».

Проблемным для меня стало все с 1989 года, на первом этапе национального движения появилось контрнациональное движение, естественно спровоцированное российскими спецслужбами, это было в 88-89 годах, а в 89 году произошло первое столкновение. Мне было уже 14 лет, и я помню, что там, где я жил, на границе Сухуми и Гульрипши, был один из очагов напряжения. Помню два автобуса российского спецназа, они приехали к нам во двор. Приехали двухметровые десантники и проверили двор на наличие оружия.» (Тбилиси, №10, мужчина, 54 года)

Параллельно с этими небольшими историями вынужденные переселенцы говорят, что эти новости никогда не были для них примечательными и не были бы, если бы не «Россия», которая «превратила эти процессы в войну» Респондентка, проживающая в одном из санаториев Цхалтубо (№23, женщина, 49 лет), рассказывает, что пожилая грузинка, проживающая по соседству с ней, не могла поверить, что в начале войны в их село пришли абхазские сепаратисты, и не выходила из дома: «Чтобы спасти ее, мы сказали что это немцы ворвались, а потом поверила, до этого не верила, что абхазы нападут на нас таким образом». Респондент (№23, Цхалтубо).

«Даже во время войны, когда мы переехали в это место [Цхалтубо], мы не могли себе представить, что это будет называться войной. Старшее поколение не могло этого понять, им трудно это понять, наше поколение лучше наших родителей понимало, что это война и вражда». (Цхалтубо, №23, женщина, 49 лет)

Вынужденные переселенцы о «двух лицах» абхазов

«У нас не было конфликта с соседями, я ничего не могу сказать об этом обрусевшим новом поколении абхазов. (Респондент 17, Зугдиди, мужчина, 70 лет)

В рассказах вынужденных переселенцев, с одной стороны, можно увидеть добрососедство, сотрудничество и родственные связи с абхазами в прошлом, а с другой стороны, абхазы, живущие сегодня в Абхазии, называются потомками «Апсуа», «новые абхазы». Для них лицо «древней Абхазии» заменяется «обрусевшей Абхазией».

В их памяти «довоенный абхаз» ассоциируется с «культурным», «надежным» человеком. По терминологии респондентов, «новое поколение», живущее сегодня в Абхазии, или поколение, воевавшее в войне против грузин, именуется «другим абхазцем».

Что на самом деле произошло в Абхазии, каково чувство правды и справедливости среди вынужденных переселенцев. Кто виновник и кто жертва? - Для всех опрошенных респондентов реальность и правда в довоенный период связана с такими нарративами, как: «До войны между абхазами и грузинами не ощущалось напряжения»; «грузины уважали привилегию абхазов»; «Были дружественные абхазы, и были «другие абхазы», которые начали войну»; «Россия подстрекала абхазов к войне».

Среди вынужденных переселенцев существует и грузинский националистический нарратив, который, в свою очередь, влияет на мнение вынужденных переселенцев относительно абхазской нации и в целом на вопросы первого расселения на территории Абхазии.

"Россия других вывела как абхазов, там людей поселили во времена Берии, сам Берия был из Абхазии, что тогда получается?" Эта история не верна. Христианское население, которое называлось абхазами, все были грузинами. Это были те, кого называли «Апсуа». У нас не было такого отношения, мы не называли их «Апсуа» или как-то так, мы просто думали, что ты грузин или ты не грузин. Мы друг друга так не знали, то ли мы все были грузинами, то ли не были и были эстонцы, греки, армяне, где-то до 25% негрузинского населения. Абхазы тогда составляли 17%, 70% - грузины, остальные - другие жители. Села были эстонские, армянские, греческие». (Цхалтубо, №23, женщина, 49 лет)

«Я по матери абхазка, из Мокви, монастырь Мокви не был заселен апсуа, потом, когда это стало нужно России, они переселили апсуа. Когда я собиралась в школу, кто-то сказал, что привезли паспорта школьников из одного из сел Гали, где у всех была отмечена абхазская национальность, хотя они этого не хотели. Во всем Гали не проживал ни один этнический апсуа. Абхазы - это на самом деле грузинские абхазы - гальский народ, этот этнический апсуа никогда не жил в Гали. Их не было на равнине. У меня есть подруга, которой бабушка рассказывала, что, когда она выходила замуж за абхаза в Гудаута, там не было ни одного апсуа, который говорил бы не по-грузински, то есть в начале 20 века." (Цхалтубо №23, женщина, 49 лет)

В то же время вынужденные переселенцы вспоминают своих ближайших соседей или собратьев-абхазов, которые не несут ответственности за войну, и рассказывают истории, когда абхазы помогали грузинам благополучно покинуть территорию. У некоторых респондентов другой опыт, в их памяти отчетливо запечатлены абхазские родственники и соседи, совершившие убийства и физическое насилие над членами их семей, грабившие их дома. За этими тяжелыми историями следуют риторические вопросы респондентов относительно мотивов действий абхазов.

Анализ интервью опрошенных респондентов показал, что пытаться внести в дискуссию временное измерение сложно, поскольку мнения респондентов могут учитываться как в прошлом, так и в будущем одновременно. Для них начало войны и нынешнее состояние конфликта — результат политической игры России.

Поиск виновного

В ходе интервью респонденты по собственной инициативе делились своим мнением о «виновниках». Их мысли о политической ответственности войны многослойны, что выражается в попытке найти виновника, выделив нескольких акторов. Судя по рассказам, историям или различным коллективным нарративам, политическая ответственность за войну лежит как на России, так и на абхазской и грузинской сторонах. В обсуждении ВПЛ виновата, с одной стороны, Россия и ее империалистические цели, с другой - часть абхазского населения, среди которого давно назревало антигрузинское движение. Внутренне перемещённые лица также говорят о политических ошибках, допущенных грузинской стороной как до, так и во время войны. Несмотря на эти ошибки, они добавляют, что избежать войны грузинской стороне было невозможно.

"Мы все думали, что будут антигрузинские движения, но знали, что это решится в рамках сохранения целостности Грузии, и никто не думал, что это перерастет в войну. До распада Советского Союза, эта проблема более-менее ощущалась. Помню небольшую стычку в 1989 году. В 1991 году Советский Союз был официально распущен, и, конечно, последовали ответные действия с абхазской стороны, и это было ожидаемо. Это обязательно произошло бы. Россия и ее политики сделали для этого все». Зугдиди, № 17, мужчина, 70 лет;

«Кто стрелял первым, Петр или Павел? Произошло кровопролитие, русским это было нужно. Грузинов не смогли выкинуть одним ударом, и поэтому подключились российские спецслужбы, армия и авиация. Русские и чеченцы были участниками этого конфликта с военной точки зрения и тем самым определили удачу. Абхазы понесли большую утрату и принесли жертвы, поэтому с ними сегодня трудно разговаривать. Кто-то может об этом пожалеть, но вслух сказать этого не может, поэтому скажут тогда, за что я воевал, почему мы проливали кровь, мы, грузины, тоже это говорим. Если мы сейчас присоединимся к России, кто-то скажет про 9 апреля, ради чего мы пожертвовали собой, за что умирали люди?» Цхалтубо, №3, мужчина, 48 лет

23 из 27 респондентов идентифицировали виновником конфликта Россию. Некоторые из опрошенных респондентов одновременно обвиняют Россию и абхазскую сторону в военных преступлениях, совершенных против гражданского населения Грузии во время войны. Для них нынешний политический класс Абхазии полностью слит с Россией и отличить абхазского политика от российского политика сложно.

«Моего отца убили абхазы. Ему проббили лоб, мы уже шли, и что-то произошло, я не знаю, а потом возле рынка произошла драка, там кого-то убили, и один из них был отец. И как это происходит. Его расстреляли внезапно. Я знаю еще много чего, как пытали и мучали абхазы, [...] мне трудно говорить, думать об этом. Я точно знаю, кто убил моего отца, мы знали эту семью. Я знаю их фамилию. Потом наш родственник-абхаз помог похоронить.» (Зугдиди, № 19, женщина, 59 лет).

Респондент из Зугдиди (№17, мужчина, 70 лет) вспоминает эпизод встречи с грузинским солдатом.

«80-летний мужчина ищет корову. Он агент, и его привязали к дереву. Люди Джабы (Джаба Иоселиани) привязали его к эвкалипту. Мальчик, что ты делаешь, говорю, это грех. А он - и его привяжите тоже».

продолжает его жена,

«Я закричала и потащила его оттуда, так они убили этого человека из автомата. Будет ли он тогда доверять тебе? Что ему там шпионить? Они делали такие вещи, и как абхазам доверять вам? Потом у них были чеченцы, тогда чеченцы меня не знали и никого не уважали. Они последовали за ними и сожгли всю деревню. Чеченцы убили моего отца». (Респондент №15, женщина, 69 лет, Зугдиди).

В контексте чувства справедливости представляют интерес резкие оценки респондентами тогдашнего политического класса и национализма. Например, два респондента из Зугдиди говорят, что, по их мнению, ошибки грузинских политиков в предвоенный период, а также ответственность за «неконтролируемые ситуации в грузинской армии» во время войны (Респондент №15, женщина, 69 лет, Зугдиди) (Респондент №17, женщина, 70 лет, Зугдиди) лежит на тогдашнем правительстве. Некоторые респонденты воздерживаются от такой оценки и говорят, что какое бы решение ни принял грузинский политический класс, события все равно будут развиваться по империалистическим планам России (№3, мужчина, 48 лет, Цхалтубо).

«Я знал, что готовится что-то вроде Варфоломеевской ночи. Это же не сталинское время, чтобы посадить грузин в вагон и увезти в ГУЛАГ. У абхазов не было для этого ресурсов, а русские не могли сделать это так открыто. Соответственно, что-то должно было произойти и это должен был быть конфликт, и абхазская сторона сделала для этого все. А тут еще гражданская война и бандитизм, с ее мнимой армией и гвардией, так получилось, что Россия максимально воспользовалась и сделала то, что собиралась, в том числе с нашей [этническими грузинами] помощью в кавычках и без кавычек, у них здесь была прямая агентура. [...] Что им было делать? [Грузинский политический класс] ничего нельзя было сделать, всё уже было решено. Вы должны знать одну вещь: многие люди умрут, и вам следует избегать этого и контролировать армию», — Цхалтубо, №3, мужчина, 48 лет.

Критика грузинского политического класса связана также с нерасследованием преступлений, совершенных как грузинской, так и абхазской стороной за последние 30 лет. Респонденты называют и конкретные причины «ошибок» (№3, мужчина, 48 лет, Цхалтубо), среди них был сомнительный состав рядов Мхедриони. «Мхедриони дал присягу и сначала он состоял из храбрых мальчиков, но потом наполнился предателями и разбойниками» (респондент из нового поселения Цхалтубо).

«На главных должностях были абхазы, заместителями – грузины. У нас не было вражды. Они не хотели нас и выбрали Россию. Наши политики оказались слабыми, они не смогли контролировать ситуацию. Когда российских миротворцев легализовали в 1994 или 1995 году, то я в душе решила, что мы потеряли Абхазию. Когда туда прибыла российская армия в качестве миротворца, наше тогдашнее правительство буквально передало Грузию России. Абхазия для меня тогда закончилась. Но оно всегда будет в моих мыслях». Цхалтубо, № 20, женщина, 72 года;

«Чеченские террористы, то есть армия Российской Федерации, захватили Кочара, мое село. В это время пришли мои дяди-абхазы, поговорили со старейшинами, а потом они отвезли нас в село. Если бы была межнациональная вражда, смог бы мой абхазский дядя переселить грузин в свое село? Эта часть населения решила продолжать жить в России, а остальная часть решила сделать свое государство независимым. Россия видела общее среди людей в том, что они были этнически

разными, а вот мой односельчанин, этнический абхаз, обычно воевал здесь, на стороне грузин". (Цхалтубо, №23, женщина, 49 лет)

Респонденты называют Россию и ее ослабление одновременно и причиной, и решением конфликта. Для них нынешние события в Украине воспринимаются как предпосылка ослабления России, что, по их мнению, приведет к исчезновению интересов России в Абхазии. Некоторые респонденты считают, что начавшаяся в Украине война создаст новые возможности для Грузии в плане переговоров с абхазами. Для второй части респондентов, напротив, нынешняя война ассоциируется с большой опасностью и воспринимается как начало нового конфликта/войны. Эта часть интервью респондентов особенно интересна, поскольку их позиции выявили страх перед войной и желание избежать войны/сохранить мир.

На многослойность конфликта указывает противоречивость мнений респондентов относительно начала войны. Для респондентов предвоенный период в контексте отношений с абхазами характеризуется как гармоничный. Им трудно вспомнить такие истории, отражающие острую напряженность между абхазами и грузинами, а если они назовут такие истории, то обязательно добавят, что это единичные случаи. Как до, так и после войны грузинские вынужденные переселенцы считают, что абхазы были не только соседями, но и братьями и членами семьи. Они уверены, что их соседи в Абхазии или те люди, которые «помнят» жизнь с грузинами, до сих пор думают о грузинах так же. И если кто-то и усложняет сегодня отношения между этими двумя этническими группами, так это Россия и управляемые ею абхазские политики, а также абхазы «нового поколения», выросшие под влиянием российской пропаганды.

Оценки респондентов также отражают политический хаос и слабость государственных и политических решений 1990-х годов. Респонденты сходятся во мнении, что "абхазы не стали бы начинать войну по собственному решению" и такое развитие событий входило в планы России. Этому способствовала война 2008 года и оккупация Россией грузинских территорий. Во время преступлений, совершенных на войне, большинство респондентов вспоминают отдельные истории о жестоких действиях абхазов. В некоторых случаях речь идет также об обязанностях тогдашнего правительства в отношении ввода армии в Абхазию и управления армией в целом.

«Грузин не доверяет грузину, что они сделали в Самегрело, какие карательные операции они совершили, бандформирование того времени. Поэтому почему абхазам не следует испытывать такого же страха? Поэтому кто-то может кричать, он все скажет словом, так что надо смотреть с обеих сторон, если отсюда кричать, что я во всем прав, абхазец скажет то же самое. Конечно, Грузия едина и то, что Абхазия – это Грузия, это исторический факт. Кого переселили, потом нас тоже переселили, это нюансы и заводят нас очень далеко, нам нужно было думать о том, как сохранить друг друга.» (Зугдиди, №19, женщина, 59 лет).

В поисках решений: взгляды внутренне перемещенных лиц на актуальные вопросы трансформации конфликтов и миростроительства

Возвращение в Абхазию и недопустимость войны

"Мы матери, и у нас есть дети. Ни одна мать не согласится на войну. Я не хочу, чтобы мои дети умирали. За что. Не знаю, что думают другие, но я прошла войну. Мне было 15 лет, когда мой отец погиб на войне. И я знаю, что такое война, и знаю точно, почему я этого не хочу. Я и другие женщины скажем вам, всем мужчинам здесь, что мы ни с кем не хотим войны. Ничего не стоит того, чтобы пережить это снова". (Респондент из нового поселка Цхалтубо).

Главное политическое желание опрошенных респондентов – вернуться в Абхазию. Важно, что никто из них не рассматривает возвращение территорий силой, возвращение Абхазии рассматривается для них как результат диалога и переговоров. Вернуться в свои дома и жить там. Большинство респондентов отмечают, что с течением времени этот вопрос должен стать важнейшим приоритетом для государства, поскольку путь «возвращения» для них, проходящий через диалог, связан с теми людьми, которые еще помнят Абхазию и имеют родственников в Абхазии.

Что касается мирного возвращения Абхазии, то одна часть респондентов считает, что эти события начнутся параллельно с ослаблением России, а вторая часть указывает на активизацию мирной политики государства. Гарантии безопасности для них связаны с Европой и интеграцией в ЕС. Внутренне перемещенные лица видят перспективы развития страны в интеграции с Западом и отмечают, что диалог с абхазской стороной должен быть посвящен существующему и будущему успешному сотрудничеству с Западом и ознакомлению с новыми возможностями.

«Среди нас [вынужденных переселенцев] никто лучше грузин не знает, что такое Россия и каковы ее цели, верно?! Кто будет смотреть в сторону России? Поэтому, когда мы будем путешествовать, или вот сын моего соседа из Обча, его вино продается в Европе и Америке. У нас есть эти перспективы и безопасность, и мы должны говорить о том, что, если вы хотите что-то продать в Европе, если вы хотите путешествовать, учиться, да что угодно - присоединяйтесь к нам [...] Мы хотим быть в Евросоюзе и у нас совсем другие цели. Мы не хотим войны и вашего разрушения, мы все говорим о Евросоюзе. Мы должны им это сказать».

Респонденты исследования, члены семьи или родственники которых погибли на войне в Абхазии, говорят, что "у всех есть гнев", но сегодня для всех "мир важнее" (респондент №26, женщина, 35 лет, Цхалтубо). Один из респондентов из поселка вынужденных переселенцев Цхалтубо говорит, что он вместе со своей семьей и соседями «почти каждый день» думает о мире, прошлом и будущем, которое, по нашим наблюдениям, уже превратилось для людей, пострадавших в конфликте, в одно временное измерение.

Для вынужденных переселенцев основная причина не допустить войны связана прежде всего с человеческими потерями. Респонденты разных возрастных категорий исследования рассказывают о том, что они видели и пережили 30 лет назад: трагические истории об умерших родителях, детях, малолетних детях, друзьях или других членах семьи - часть их повседневной жизни. Страх смерти близких - их главный аргумент, когда говорят о недопустимости войны.

«Жена моего дяди потеряла троих членов семьи, я никогда не говорю ей о своем доме в Сухуми и каких-либо других вещах. Это боль, которая никогда не проходит, понимаешь?! Война отняла у нас, думаю, люди забывают. И что вернет ей, ничто, особенно война. Кому это надо рассказывать, матери, потерявшей детей?" (Респондент №5, мужчина, 40 лет, Цхалтубо)

«Я думала о том, о чем вы меня сейчас спрашиваете, все время думаю, когда мы здесь сидим, мои соседи или кто-то еще, иногда даже прохожие, мы разговариваем и вспоминаем обо всем. Мы не забываем ни одной детали и помним эти ужасы. Мы думаем, как можно было избежать войны и что делать. Если мы говорим с детьми, они понимают, что мы говорим, и знают. Они должны знать, что это плохо, что война – это плохо. (Респондент №26, женщина, 35 лет, г. Цхалтубо)

«Когда понимаешь, что война не приносит результатов, думаешь, что хороший настрой лучше, лучше примирение, вместе мы будем сильнее. [...] Обе стороны много пострадали. Я страдал и знаю. Мы сможем сделать больше, живя вместе» (Респондент №5, мужчина, 40 лет, Цхалтубо).

Один из респондентов из Цхалтубо (№5, мужчина, 40 лет), которому на момент начала войны было 9 лет, вспоминает эпизоды, когда маленькие дети играли на улице в «войнушку», где их врагом был абхаз. Теперь Абхаз для него брат, и он старается это подчеркнуть в личных беседах с абхазами. На вопрос, когда трансформировалось лицо врага в лицо брата, респондент говорит нам, что он не задумался, когда именно произошла эта перемена, хотя может с уверенностью сказать, что эта перемена была вызвана желанием избежать войны.

«Как бы у меня не было агрессии, которую я всегда испытывал по отношению к абхазам, для меня это всегда несправедливость, трагедия для моей семьи. Возможно, они тоже теряли людей, но они все равно жили в своих домах. У меня еще есть [агрессия], но я не думаю... это не помогает, теперь я думаю о другом, что если у нас с абхазами одно будущее, то мы должны жить вместе и в мире». [#5, мужчина, 40 лет, Цхалтубо)

Этот контекст важен, поскольку желание избежать насильственного конфликта привело к необходимости обсуждения «диалога» и «переговоров» между внутренне перемещенными лицами.

Мир

«Мир для меня – это безопасность, свобода и любовь. Невозможно вести мирную политику, если не любишь человека, с которым надо наладить отношения. Отношения, дружба, если их нет, ты ничего не сможешь сделать». Цхалтубо. №25, женщина, 43 года;

Члены абхазской семьи, дальние родственники, одноклассники, крестники и старые друзья – это группы людей, с которыми вынужденные переселенцы пытаются наладить коммуникацию своими способами. 12 из 27 опрошенных респондентов говорят, что поддерживают активное общение в Абхазии через социальные сети. "Скучаю", "Интерес к тому, как они живут" - именно такие причины называют респонденты мотивом общения. Лишь 2 из 12 респондентов участвовали в формате диалога за рубежом с абхазами, и только один из них сохранил общение с абхазским участником.

Участники исследования говорят, что вынужденные переселенцы обладают достаточной информацией о политической картине в Абхазии. Возможность для этого предоставляет соцсеть, где видят, что некоторые абхазы "не хотят ни Грузии, ни России". Респондент отмечает, что грузинская сторона должна поговорить с этими людьми, показать им возможности, которые у них будут, если они останутся с Грузией.

Важная часть выводов исследования связана с рассказами о возможностях переезда граждан в Абхазию и текущей ситуации там. Тетю одной из респондентов пригласили в Абхазию ее абхазские родственники и предупредили, чтобы она не говорила по-грузински. Ту же историю рассказывает другой респондент, испытавший страх говорить по-грузински в Абхазии.

И все же интересно поговорить о том, какие темы объединяют грузин и абхазов. Необычные рассказы респондентов, с одной стороны, отражают большой разрыв между активным контактом с абхазами и отчуждением, с другой стороны. Респонденты отмечают, что вообще не говорят о грузино-абхазской войне. Выражение мнений, связанных с войной, является существенным коммуникационным барьером для обеих сторон. По их словам, они вообще не могут договориться о роли Грузии в этой войне. Грузинские вынужденные переселенцы пытаются подчеркнуть преступления России, а абхазские родственники *видят в этом подходе возложение вины грузин на Россию*. После войны в Абхазии небольшое количество вынужденных переселенцев уехало в Россию. Один из респондентов из Зугдиди рассказывает, что, находясь в России, вскоре после окончания войны, она встретила со своими абхазскими соседями, с которыми поддерживает отношения до сих пор. *"Мне со всех сторон рассказывали неслыханные истории, сегодня мы уже не говорим о войне, для нас война - это красная линия, разговоры о войне приводят к спорам"* (Респондент №13, женщина, 58 лет, Зугдиди).

Каждый респондент имеет индивидуальные определения мира, разрешения конфликтов, примирения. Для них мир связан с «безопасностью», «стабильностью», «добром».

Одна из респондентов также вспоминает, что ее абхазская родственница поделилась на своей странице в Facebook грузинской песней: *"Я ей написала, чтобы твой муж этого не увидел, ее муж - "суровый абхаз". Она мне ответила, что, пусть увидит, он знает мое отношение к грузинам. Тогда я написала: Ты так говоришь, если уже такая ситуация, я сейчас встану и приеду. А она мне сказал: Вставай и приезжай, кто тебе мешает."* (респондент №25, женщина, 43 года, Цхалтубо).

Один из респондентов исследования, проживающий в новом поселке вынужденных переселенцев Цхалтубо, показал нам видео, снятое во время интервью со своим родственником, проживающим в Абхазии. На видео показан дом респондента в Гагре и проживающий там абхаз, который дает разрешение грузину снять видео для дома. На видео Абхаз говорит, что этот дом принадлежит его бабушке и скоро он начнет его ремонтировать.

Истории вынужденных переселенцев показывают, что разговоры о путях разрешения конфликта с грузинской стороны связаны с ослаблением России, с другой стороны, абхазы смотрят на этот факт со страхом. Один респондент из Тбилиси отмечает, что формат прямого диалога с абхазским народом для него приемлем, но неприемлемо, чтобы государство разговаривало с представителями де-факто администрации Абхазии.

«Власть может измениться в России, она может ослабнуть в Украине, и союзники могут ее не поддержать. Россия будет всегда сильнее нас, но, возможно, события в Украине ее ослабят. Надо использовать этот момент и поговорить с абхазами, о том, что мы не каннибалы как им об этом говорят русские». Тбилиси, №16, женщина, 31 год;

Анализ интервью показал, что найти общий язык между абхазской и грузинской сторонами относительно войны довольно сложно. Что также делает актуальным обсуждение слабых мест мирной политики, которая на протяжении многих лет должна была систематически проводить двусторонние дискуссии *о поиске истины или справедливости*. Сегодня вынужденные

переселенцы остались одни в прямом диалоге с абхазами, с одной стороны, у них сложилось ощущение, что они не могут влиять на мирную политику и потеряли доверие к этим процессам, с другой стороны, они чувствуют усиление индивидуальных отношений с абхазами.

"Если кому-то из Сухуми удастся связаться с тамошними абхазами, давайте, найдите таких людей и попытайтесь поговорить с абхазами с этими людьми. Я думаю, желания со стороны высших эшелонов пока нет» (Респондент №25, женщина, 43 года, Цхалтубо)

«Возможно, кого-то в Абхазии заставили поверить посредством пропаганды, если мы донесём эту информацию, что мы не хотим их уничтожать, наоборот, мы хотим сосуществовать, вы также должны учитывать нашу позицию, мы имеем право жить там, как и они. Такую информацию можно предоставить, иначе я не верю в эти мирные процессы. Это своего рода разрешение конфликта. Конфликт может быть разрешен и разрешен только в том случае, если сила, которая поддерживает этот конфликт, не важно чья рука, пока эта сила сильна, этот конфликт не будет разрешен». Цхалтубо, №3, мужчина, 48 лет

Несмотря на эти трудности, по мнению респондентов, отношения между абхазами и грузинами в социальной сети с каждым днем становятся все активнее. Сохранение человеческих отношений является важным ресурсом трансформации конфликта, который сами ВПЛ видят необходимость учитывать в политической повестке дня. Для них этот ресурс лимитирован, поскольку будущим поколениям будет трудно найти такого рода человеческие связи со своими собратьями-абхазами.

«Если мое поколение и поколение старше меня не возьмут на себя роль медиатора, поверьте, политики не смогут этого сделать. Если вы там не жили, вы не знаете правил, где лаской, а где грубостью, если грубо говорить, с ними не получится разговора. У нас было много ссор, но мы все равно куда-то шли до конца. У всех нас была какая-то хорошая история о Сухуми, потом мы начинали смеяться над этим, и я думаю, что политики ничего не смогут сделать. Даже министр примирения не сможет, они ничего не делают, есть много вопросов, которые нужно решить. Это не будет сделано, сидя в кабинетах, если они не выйдут и не поговорят с людьми. Мы хотим диалога, возможно, они не позволяют нашему министру сделать больше. Я действительно думала об этом. Почему нас никто ни о чем не спрашивает?" (Цхалтубо. №25, женщина, 43 года;)

Участие внутренне перемещенных лиц в мирной политике и перспективы на будущее

Радикальный оптимизм vs радикальный пессимизм

За последние 30 лет война и структурное насилие, внутренние и внешние политические события существенно изменили коллективную память перемещенных лиц, их травмы и гнев. С периода окончания войны и до 2008 года возможность возвращения в Абхазию и политическая реальность были для них многообещающими. После 2008 года эта надежда и, соответственно, восприятие сообщества как политического агента постепенно исчезают. Оно сопровождается

серьезными социальными проблемами. Радикальный оптимизм вынужденных переселенцев время от времени переходит в радикальный пессимизм.

Они воспринимают себя как "невидимую сторону", "уже забытую", "неинтересную". Вынужденные переселенцы считают, что в глобальном политическом конфликте, где есть крупные политические игроки, их голос теряется. Эти мнения вынужденных переселенцев критически важны для наблюдения, поскольку с течением времени существует опасность того, что их доверие, интерес и инициативы в области мирной политики будут разрушены и забыты.

Мир как способ разрешения конфликта интересно входит в представления респондентов в их повседневной жизни и в таких культурных и традиционных деталях, как тосты абхазских переселенцев, которые менялись параллельно с политическими процессами в стране за 30 лет. Если в конце войны тосты звучали так: «Мы должны вернуться в этом или в следующем году» [в Абхазию], то сейчас перспективы возвращения «отложены» на неопределенный срок и абхазские переселенцы уже пьют за «мирное возвращение» и добавляют, что «кровь погибших в Абхазии грузин не должна пролиться бесследно».

Несмотря на то, что основной курс мирной политики государства опрошенным респондентам известен, они считают, что их мнение как вынужденных переселенцев не отражено в государственной политике. На вопрос, располагают ли они информацией о текущей мирной политике Грузии, опрошенные респонденты говорят, что получают информацию в основном через медиа и социальные сети. Двое из них приняли участие в формате прямого диалога, организованном международной организацией за рубежом.

«Мы настолько изолированы, что ничего не знаем о том, что происходит. Мы, переселенцы, которые могут что-то сделать. Фактически ничего не могут сделать эти [государственные институты]. У человека, у которого нет элементарной памяти, нет истории о городе, о чем с ним говорить. Как я не могу стать историком Тбилиси, так и человек из Тбилиси не может говорить о Сухуми. Своего соседа-абхаза я знаю». Зугдиди, № 13, женщина, 58 лет.

Хотя вынужденные переселенцы и говорят о своем участии в прямом диалоге, в их нарративах присутствует больше скептицизма, чем поддержки. Для большинства опрошенных участвующих ВПЛ формат и усилия мирных переговоров, разработанные государством за последние 30 лет, недостаточны.

Скептицизм вызывает и тот факт, что (i) ВПЛ не принимают активного участия в переговорах; (ii) Связи и отношения между старшими поколениями как абхазов, так и грузин приостановлены, поскольку они считают, что между этими поколениями будет гораздо легче найти общий язык, чем с абхазами, родившимися после войны; (iii) Их социальные и экономические проблемы затрудняют участие в мирных процессах. Прежде всего потому, что потребности вынужденных переселенцев еще не удовлетворены и, как и в Цхалтубо, люди все еще живут в санаториях. А с другой стороны, вынужденные переселенцы из низшей социальной группы отрезаны от мирного процесса. Их эмоциональная связь с конфликтом и информация о войне должны стать главным определяющим фактором мирной политики государства. Однако зачастую эта эмоциональность создает барьер.

«Для них мы — люди, которые все время чего-то просят, меня, например, здесь так знают, сейчас у меня документы в суде. Поэтому меня не будут привлекать. Возьмут того, кто доволен. Что им у тебя спрашивать? У меня проблемы, и я справедливо

злюсь, но хочу, чтобы меня спросили, ведь я тоже вынужденная переселенка» (Цхалтубо, № 23, женщина, 49 лет).

"Я источник, я видела, что там произошло, и знаю мысли соседей и родственников остальных переселенцев. Если не я, то кто еще должен участвовать в этом процессе?" (Респондент №15, женщина, 69 лет, Зугдиди).

Респонденты позитивно оценивают перспективы здравоохранения и образования для абхазов в Грузии сегодня, но взамен требуют ослабления радикальных позиций со стороны абхазов и возникновения эффективного прямого диалога. Они также говорят о важности вовлечения женщин в процесс миростроительства и в целом излагают эту идею как контекст необходимости новых инициатив и подходов со стороны государства. Женщины-респонденты подчеркивают общие точки соприкосновения женщин-абхазов и женщин-грузинок, связанные с погибшими детьми, мужьями, членами семьи, последующей тяжелой жизнью в изгнании и ощущением постоянной опасности.

Как из интервью по этой части анкеты, так и по наблюдению за уровнем информированности респондентов об аспектах мирной политики Грузии видно, что вынужденные переселенцы имеют смутное представление о вопросах официальных переговоров, темах к обсуждению, результатах, международных дискуссиях, повестках формата гражданского диалога, работе местных организаций.

На вопрос, что следует сделать, чтобы грузино-абхазские политические и общественные отношения были мирными до разрешения конфликта, респонденты отвечают, что абхазская и грузинская стороны должны способствовать диалогу и отношениям между ними. Также некоторые респонденты полагают, что грузинская сторона к этому готова, а у абхазов нет политической воли. Один из респондентов из Тбилиси считает, что в этом контексте важно активизировать государственную политику, такого же мнения придерживаются и эксперты, работающие в этой сфере, по их мнению, Грузия должна сделать траекторию мирной политики более динамичной в условиях оккупации и придать больший импульс Абхазии.

В конце глубинных интервью, в качестве резюме, мы еще раз попросили респондентов идентифицировать роли Запада, России и внутренних сил в процессе разрешения конфликта. В отличие от роли России, мнения респондентов по отношению к Западу разделились на две части. Часть считает, что Запад, и, в частности, Евросоюз и НАТО, могут стать инструментами регулирования внутренних конфликтов в Грузии. Другая часть респондентов поддерживает мнение представителей власти и говорит, что страна должна сохранить мир и «не должна ввязываться в войну», «не должна злить Россию», «Запад начнет новую войну в Грузии» - говорят респонденты (№ 3, №19, №21). Для респондентов путь к разрешению конфликта начинается в первую очередь с ослабления России, и в следующем порядке они говорят о необходимости прямого диалога.

Прямой диалог

Важный вывод исследования связан с восприятием респондентами вопросов разрешения конфликтов. Для них возможности прямого диалога, ежедневные связи с абхазскими родственниками открывают путь к разрешению конфликтов. Возвращение в Абхазию основано на небольших достижениях для вынужденных переселенцев, которые могут иметь разные бенефиты для грузин и абхазов. Например, свобода передвижения для обеих сторон.

«Я знаю о передвижении, у нас есть организация женщин-переселенцев, мы много раз общались, недавно эта тема активизировалась. Здесь важны условия, которые мы поставили. У них есть много возможностей от нас, но какого типа передвижения они хотят, примут ли они грузинские паспорта или нет, а если не согласятся, возможно, они предложат нам больше взамен, это должно быть вопросом этого диалога и нам придется усердно работать с обеих сторон» (Респондент №6, женщина, 54 года, Тбилиси).

Можно сказать, что попытка прямого диалога между вынужденными переселенцами и абхазами через социальные сети уже началась. Те респонденты, которые имеют активную коммуникацию со знакомыми абхазами, с надеждой смотрят на возможность прямого диалога.

В то же время они воспринимают опыт сосуществования в прошлом, общие истории, традиции, воспоминания как возможность трансформировать мирное сосуществование с абхазами в будущем.

«Я помню, что смерть Марадоны из Сухуми больше всего объединила грузин и абхазов. Он жил в Сухуми, и его любила вся деревня. Все мое детство было Марадоной, мы давали ему 20 копеек, и он танцевал. Когда мы услышали, что Марадона скончался, клянусь, нас объединила эта боль, это было воспоминание о нашем детстве. 10 лет назад мы здесь собрали деньги и просили абхазов поставить камень от нашего имени» (Респондент №25, женщина, 40 лет, Цхалтубо).

Мирное сосуществование с абхазами «возможно» для всех опрошенных респондентов. Однако с течением времени они видят смену поколений и опасность утраты этого опыта, истории сосуществования. В разговорах о будущем все еще проявляется радикальный пессимизм.

По мнению респондентов, восприятие Абхазии как идеальной мультикультурной среды обитания и гармоничного места может измениться в результате смены поколений. Дискуссии о ходе времени и новых поколениях вызывают у них «страх» и безысходность. Что еще раз дает возможность сказать, что те, кто «помнит» и «имеет опыт» проживания с абхазами, должны быть максимально вовлечены в мирную политику и иметь возможность общаться с абхазами.

«Я представитель поколения, которое до сих пор помнит, каково было жить с абхазами. В одной из стран я приняла участие в формате диалога, где были абхазы, и мне стало страшно, я поняла, насколько большая разница между абхазами моего возраста и теми, кто намного моложе меня. С новым поколением даже разговаривать нельзя, когда вместе с абхазской девушкой моего возраста... мы вскоре нашли что-то общее» (Респондент №25, женщина, 40 лет, Цхалтубо).

После возвращения в Абхазию мнения респондентов об управлении страной расплывчаты и не конкретны. Их перспективы в основном ограничиваются повседневной практикой сосуществования, о которой они имеют определенные представления: например, они уверены, что, если вернуться в Абхазию, отношения очень скоро восстановятся. С другой стороны, некоторые респонденты более скептически относятся к первому периоду возвращения в Абхазию и считают, что потребуются гарантии безопасности. Один из респондентов говорит, что планирует открыть кафе вместе со своим двоюродным братом, живущим в Абхазии. 40-летний респондент из Цхалтубо говорит, что его семья уже здесь (Цхалтубо), но он обязательно найдет свой дом и двор и обустроит их так, чтобы летом снова приехать в Абхазию на отдых.

Заключение

Целью интервью, проведенных в рамках данного исследования, было изучение взглядов и перспектив вынужденных переселенцев из Абхазии в отношении мира и разрешения конфликтов. Для опрошенных ВПЛ начальный период войны воспринимается как гармоничные воспоминания несмотря на то, что задолго до войны уже ощущалось отчуждение и небольшие интерперсональные противостояния между абхазами и грузинами. Все респонденты, принявшие участие в исследовании, говорят, что такой сценарий развития событий был для них неожиданным.

Политическая ответственность войны среди вынужденных переселенцев связана, прежде всего, с политическими целями России, которые легко укоренились в антигрузинском настроении абхазского населения. Параллельно с этими событиями политический класс в Грузии отличался слабыми и непоследовательными решениями в отношении вынужденных переселенцев, что не смогло предотвратить масштабные потери войны.

Беседы с вынужденными переселенцами сопровождаются их двойственным восприятием абхазов. Во время и после войны агрессия и несправедливость по отношению к абхазам трансформировались в стремление к диалогу и решению общих проблем. Прямой диалог, участие в мирных процессах, формальные и неформальные встречи поддерживаются опрошенными ВПЛ, хотя меньшее доверие к государственным институтам и геополитическим событиям вызывает у них определенный скептицизм.

Война, начатая Россией в Украине, еще раз напомнила вынужденным переселенцам о жестокости войны. Быстрые изменения в геополитическом контексте, для одной части из них эти события связаны со страхом, а для другой – с надеждой. Поводом для опасений является начало войны со стороны России в Грузии. А по второй части есть надежда, что в условиях ослабления российского влияния следует использовать окно возможностей для поиска общего языка с абхазами. Запад и Европа – правильный путь страны для опрошенных респондентов.

Тяжелое экономическое существование вынужденных переселенцев, которое не сильно изменилось для них за последние 30 лет, становится структурным насилием. В этом контексте наши респонденты-переселенцы рассматривают наряду с материальными программы создание социальных, медицинских, образовательных, трудоустройственных и других программ. В противном случае они будут потеряны как стигматизированная и маргинализованная часть общества, как важный актор мирной политики.

Судя по проведенным нами интервью несмотря на то, что ряд вопросов, связанных с войной и конфликтами в прошлом, считаются табуированными в процессе коммуникации абхазов и грузин, желание активно общаться у них сохраняется. Эти отношения выражаются в повседневной коммуникации, особенно в разделении радостей и горестей, эмоциональной поддержке и сотрудничестве. Таким образом, важно, чтобы эти примеры прямого диалога и неформальной коммуникации были интегрированы в мирную политику и распространялись на институциональном уровне.

В этой части опроса о поиске решения, прощения или мира мы получили разные мнения респондентов. Однако общие маркеры связаны с тем, что они стали жертвами несправедливого конфликта, и все это превратило их жизнь в «бесконечную нищету» (Респондент №7, женщина, 52 года, Цхалтубо). Ощущение, что они являются жертвами несправедливости, усиливается тем, что будущее для них «неясно». (i) Имеют экономические и социальные проблемы, беспокоятся о будущем своих детей и их образовании; (ii) Не имеют устойчивого чувства безопасности из-за

геополитических событий; (iii) В этих условиях они с недоверием относятся к мирной политике и в случае диалога с местными властями или с правительством Абхазии посвящают этот «единственный шанс» вновь разговорам о первоочередных нуждах.

Использованная литература:

Абрамашвили И., Коиава Р., 25 лет мирной политике Грузии, Кавказский Дом, 2018;

Натия Чанкветадзе, Трансформация конфликта в грузино-абхазском и грузино-осетинском контексте: от идеи к действию, Фонд Левана Микеладзе, 2020.

Нино Чиковани, Кетеван Какителашвили, Иракли Чхаидзе, Иванэ Церетели, Кетеван Эпадзе. (2022). Грузия: травма и триумф на пути к независимости (Vols. ISBN 978-9941-9796-4-4). Тбилиси: Издательство «Самшобло». Кавказский Дом «25 лет мирной политике Грузии», 2018.

Видение и рекомендации гражданского общества о том, как понять прошлое и восстановить доверие. 2022.

Центр социальной справедливости, Это Копалиани, «Критический анализ аппарата государственного министра по примирению и гражданскому равенству – мандат и деятельность, 2023 г.»

Cohen Jonathan (ed.), A question of sovereignty: The Georgia-Abkhazia peace process, Accord, Vol. 7, Conciliation Resources, 1999;

United Nations Peacekeeping, United Nations Observer Mission in Georgia, nb.
<https://peacekeeping.un.org/mission/past/unomig/background.html>

Gegeshidze A., The isolation of Abkhazia: A failed policy or an opportunity? Accord, Vol. 19, Conciliation Resources, 2008;

Stewart Susan, The Role of the United Nations in the Georgian-Abkhazian Conflict, Journal on ethnopolitics and minority issues in Europe (2003);

Coppieters, B. (2002). In Defence of the Homeland: Intellectuals and the Georgian-Abkhazian Conflict. In B. Coppieters, & M. Huysseune (Eds.), Secession, History and the Social Sciences (pp. 89-116). VUB Press.

Jabri, V., & Richmond, O. P. (2021). Critical Theory and the Politics of Peace. In The Oxford Handbook of Peacebuilding, Statebuilding, and Peace Formation (pp. 91-106). Oxford University Press

Galtung, Johan. "Violence, Peace, and Peace Research." Journal of Peace Research 6, no. 3 (1969): 167–191 and Galtung, Johan. "Cultural Violence." Journal of Peace Research 27, no. 3 (1990): 291–305

Lederach, J.P. (1997). Building peace: sustainable reconciliation in divided societies. Washington, D.C: United States Institute of Peace Press. pp. 23-25

Kriesberg, L. (2011). The State of the Art in Conflict Transformation. In: Austin, B., Fischer, M., and Giessmann H.J. eds. Advancing Conflict Transformation: The Berghof Handbook II. Opladen & Farmington Hills. Barbara Budrich Publisher. pp. 50-62

Sandrine Lefranc. A Critique of 'Bottom-up' Peacebuilding: Do Peaceful Individuals Make Peaceful Societies? 2011. fffalshs-00646986, p.12-18;

The Critical Theory Paradigm. (2020). In H. Carey (Ed.), *Peacebuilding Paradigms: The Impact of Theoretical Diversity on Implementing Sustainable Peace* (pp. 188-238). Cambridge: Cambridge University Press.

Peshkopia, R. (2020). A Bottom-Up View at Peacebuilding: Pragmatism, Public Opinion, and the Individual as Unit of Analysis in Postconflict Societies. In H. Carey (Ed.), *Peacebuilding Paradigms: The Impact of Theoretical Diversity on Implementing Sustainable Peace* (pp. 304-323). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/9781108652162.019 p.12-34;

Bachler, G. (2004). Conflict Transformation through State Reform. In: Austin, A., Fischer, M. and Ropers, N. eds. *Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Handbook*. Berlin, Germany: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 260-282;

Reimann, U.K. (2018). Closing a gap in conflict transformation: Understanding collective and transgenerational trauma.

Coincilation Resources, "Majority of Georgians see prospects for change to improve relations with Abkhaz", 2020; Доступ: 29 октября / <https://www.c-r.org/news-and-insight/majority-georgians-see-prospects-change-improve-relations-abkhaz>

Peter Kabachnik, Joanna Regulska & Beth Mitchneck (2012) *Displacing Blame: Georgian Internally Displaced Person Perspectives of the Georgia–Abkhazia Conflict*, *Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics*, 11:2, 123-140, DOI: 10.1080/17449057.2012.675210

Cobb, Sara (2013). "Speaking of Violence. The Politics and Poetics of Narrative in Conflict Resolution";

K. Rupesinghe, 'Conflict Transformation', in K. Rupesinghe (ed.), *Conflict Transformation* (London: St Martin's Press, 1995), p. 90-99.

Ruggeri, Theodora-Ismene Gizelis, and Han Dorussen, "Managing Mistrust an Analysis of Cooperation with UN Peacekeeping in Africa," *Journal of Conflict Resolution* 57, no. 3 (2013): 380–410.

P. Collier, 'Economic Causes of Civil Conflict and Their Implications for Policy', in C.A. Crocker, F.O. Hampson and P. Aall (eds), *Leashing the Dogs of War. Conflict Management in a Divided World* (Washington DC: United States Institute of Peace Press, 2007), pp. 190–210.

J. Galtung, *Peace by Peaceful Means. Peace and Conflict, Development and Civilization* (Oslo/London: International Peace Research Institute/Sage, 1996), p. 9-15;

B. Boutros-Ghali, 'An Agenda for Peace: Preventive Diplomacy, Peace Making and Peace Keeping', UN Doc. A/47/277-S/24111 (New York, 17 June 1992), paragraph 20-21.

Bigdon, Ch., Korf, B. (2004). The Role of Development Aid in Conflict Transformation: Facilitating Empowerment Processes and Community Building. In: Austin, A., Fischer, M. and Ropers, N. eds. *Transforming Ethnopolitical Conflict: The Berghof Handbook*. Berlin, Germany: VS Verlag für Sozialwissenschaften, p. 349-369.

Christoph Zü rcher, Carrie Manning, Kristie Evenson, Rachel Hayman, Sarah Riese, and Nora Roehner, *Costly Democracy: Peacebuilding and Democratization after War* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2013); Andrea

Приложение 1

	Тбилиси	Цхалтубо	Зугдиди
Количество (всего)	8	15	4
Респонденты №, пол, возраст	<ul style="list-style-type: none"> • №2/женщина, 43 года • №4/женщина, 55 лет • №6/женщина, 54 года • №8/мужчина, 61 год • №10/мужчина, 54 года • №12/женщина, 49 лет • №14/мужчина, 29 лет • №16/женщина, 31 год 	<ul style="list-style-type: none"> • №1/мужчина, 68 лет • №3/мужчина, 48 лет • №5/мужчина, 49 лет • №7/женщина, 52 года • №9/Женщина, 64 года • №11/женщина, 32 года • №21/Женщина, 28 лет • №20/женщина, 72 года • №22/мужчина, 83 года • №23/женщина, 42 года • №24/женщина, 67 лет • №25/женщина, 43 года • №26/женщина, 35 лет • №27/женщина, 63 года • №18/женщина, 55 лет 	<ul style="list-style-type: none"> • №13/женщина, 58 лет • №15/женщина, 69 лет • №17/мужчина, 70 лет • №19/женщина, 59 лет